

Фридрих Энгельс

О Фурье

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 50
ББК 22
Э62

Э62 **Энгельс Ф.**
О Фурье / Фридрих Энгельс – М.: Книга по Требованию, 2022. – 64 с.

ISBN 978-5-521-39229-2

ISBN 978-5-521-39229-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Ф. ЭНГЕЛЬС

ИЗ КНИГИ «РАЗВИТИЕ СОЦИАЛИЗМА ОТ УТОПИИ К НАУКЕ»

I

Современный социализм по своему содержанию является прежде всего результатом понимания существа, с одной стороны, господствующих в современном обществе классовых противоположностей между имущими и неимущими, капиталистами и наемными рабочими, а с другой—царящей в производстве анархии. Но по своей теоретической форме он появляется сначала только как дальнейшее и как бы более последовательное развитие принципов, выдвинутых великими просветителями XVIII века. Как всякая новая теория, социализм должен был исходить из накопленного до него идейного материала, хотя его корни находились в материальных экономических фактах.

Великие люди, которые во Франции просвещали головы для приближавшейся революции, сами выступали крайне революционно. Никаких внешних авторитетов они не признавали. Религия, взгляды на природу, общество, государственный порядок—все подвергалось их беспощадной критике, все призывалось пред судилище разума и осуждалось на исчезновение, если не могло доказать своей разумности. Разум стал единственным мерилom всего существующего. Это было то время, когда, по выражению Гегеля¹, «мир был поставлен на голову»*,

* Вот что говорит Гегель о французской революции: «Идея, понятие права сразу завоевала себе признание, ветхие опоры бесправия не могли оказать ей никакого сопротивления. Идея права положена в основу конституции, и теперь все должно опираться на нее. С тех пор как на небе светит солнце и вокруг него вращаются планеты, еще никогда не было, чтобы человек становился на голову, т. е. опирался на идею, и согласно с нею перестраивал действительность. Анаксагор первый сказал, что Nus, т. е. разум, управляет миром, но только теперь впервые человек дошел до признания, что мысль

т. е. когда человеческая голова и открытые при помощи ее мышления положения предъявили притязание служить единственным основанием всех человеческих действий и общественных отношений и когда вслед за тем противоречившая этим положениям действительность была фактически перевернута вверх ногами. Все прежние формы общества и государства, все традиционные представления были признаны неразумными и отброшены как старый хлам; мир до сих пор руководился одними предрассудками, и все его прошлое достойно лишь сожаления и презрения. Теперь впервые возшло солнце, наступило царство разума, и с этих пор суеверие и несправедливость, привилегии и угнетение уступят место вечной истине, вечной справедливости, вытекающему из законов природы равенству и неотъемлемым правам человека.

Мы знаем теперь, что это царство разума было не чем иным, как идеализированным царством буржуазии, что вечная справедливость осуществилась в виде буржуазной юстиции, что равенство ограничилось равенством граждан перед законом, а самым существенным из прав человека объявлено было право буржуазной собственности. Государство разума, «общественный договор» Руссо², оказалось и могло оказаться на практике только буржуазной демократической республикой. Великие мыслители XVIII века, как и все их предшественники, не могли выйти за пределы, которые им ставила их собственная эпоха.

Но наряду с противоположностью между феодальным дворянством и буржуазией, выступавшей в качестве представительницы всего остального общества, существовала общая противоположность между эксплуататорами и эксплуатируемыми, богатыми тунеядцами и трудящимися бедняками. Именно это обстоятельство дало возможность представителям буржуазии выступать в роли представителей не какого-либо отдельного класса, а всего страждущего человечества. Более того. Буржуазия с момента своего возникновения была обременена своей собственной противоположностью: капиталисты не могут существовать без наемных рабочих, и в таком же соотношении,

должна управлять духовной действительностью. Это был величественный восход солнца. Все мыслящие существа радостно приветствовали наступление новой эпохи. Возвышенный восторг властвовал над этим временем, и весь мир проникся энтузиазмом духа, как будто совершилось впервые примирение божества с миром» (Гегель, *Философия истории*, стр. 535, 1840 г.). Не пора ли, наконец, против таких опасных бунтовщических идей покойного профессора Гегеля пустить в ход закон о социалистах?—*Примечание Энгельса.*

как средневековый цеховой мастер развивался в современного буржуа, цеховой подмастерье и внецеховой поденщик развивались в пролетариев. И хотя в общем и целом буржуазия в своей борьбе с дворянством имела известное право считать себя также представительницей различных трудящихся классов того времени, тем не менее при каждом крупном буржуазном движении вспыхивали самостоятельные движения того класса, который был более или менее развитым предшественником современного пролетариата. Таково было движение анабаптистов и Томаса Мюнцера³ в эпоху реформации и крестьянских войн в Германии, левеллеров—во время Великой английской революции, Бабефа⁴—во время Великой французской революции. Эти революционные попытки еще не сложившегося класса сопровождались соответствующими теоретическими выступлениями; таковы утопические изображения идеального общественного строя в XVI и XVII столетиях*, а в XVIII—уже прямо коммунистические теории (Морелли⁵ и Мабли⁶). Требование равенства не ограничивалось уже областью политических прав, а распространялось на общественное положение отдельных личностей: доказывалась необходимость упразднения не только классовых привилегий, но и самых классовых различий. Аскетически суровый, спартанский коммунизм, осуждавший всякое наслаждение жизнью, был первым проявлением нового учения. Потом явились три великих утописта: Сен-Симон⁷, у которого буржуазное направление сохраняло еще значение наряду с пролетарским, Фурье⁸ и, наконец, Оуэн⁹, который в стране наиболее развитого капиталистического производства и под впечатлением порожденных этим способом производства противоположностей выработал ряд проектов устранения классовых различий в виде системы, непосредственно примыкавшей к французскому материализму.

Эти три великих утописта сходились между собою в том, что никогда не выставляли себя представителями интересов исторически развившегося к тому времени пролетариата. Подобно просветителям, они хотели прежде всего освободить все человечество, а не только определенный общественный класс. Как и те, они хотели установить царство разума и вечной справедливости; но их царство, как небо от земли, отличается от царства разума французских просветителей. Буржуазный порядок, основанный на принципах этих просветителей, так

* Энгельс имеет здесь в виду «изображения идеального общественного строя», без частной собственности, в произведениях представителей утопического социализма—Томаса Мора (XVI в.) и Кампанеллы (XVI—XVII вв.).—Ред.

же неразумен и несправедлив и должен быть отброшен с таким же презрением, как феодализм и все прежние общественные формы. До сих пор истинные законы разума и справедливости не были известны человечеству, и только по этой причине оно ими не руководилось. Не было просто того гениального человека, который явился теперь и который познал всю истину. Что он появился именно теперь, что истина открыта только теперь,—это вовсе не является необходимым результатом общего хода исторического развития, неизбежным событием, а просто счастливой случайностью. Гениальный человек мог с таким же успехом родиться пятьсот лет тому назад и тем избавить человечество от пяти веков заблуждений, борьбы и страданий.

Мы видели, как подготавлившие революцию философы XVIII века апеллировали к разуму как к единственному судье над всем существующим. Они требовали основания разумного государства, разумного общества и безжалостного устранения всего того, что противоречит вечному разуму. Мы видели также, что этот вечный разум оказался в действительности лишь идеализированным рассудком среднего мещанина, развивающегося в современного буржуа. Если общественный строй и новое государство, созданные французской революцией, и могли казаться разумными по сравнению со старыми учреждениями, то они были во всяком случае очень далеки от абсолютной разумности. Царство разума потерпело полное крушение. «Общественный договор» Руссо нашел свое реальное осуществление в господстве террора, от которого изверившаяся в своей политической способности буржуазия искала спасения сперва в подкупности директории*, а потом под крылом наполеоновского деспотизма. Обетованный вечный мир превратился в бесконечную вереницу завоевательных войн.

Не более посчастливилось и разумному общественному строю. Противоположность между богатством и бедностью вместо того, чтобы разрешиться во всеобщем благоденствии, напротив, усилилась вследствие устранения цеховых и иных привилегий, служивших до известной степени ее прикрытием, а также

* *Директорией* называлось французское правительство, установленное буржуазией после контрреволюционного термидорианского переворота (июль 1794 г.), когда ею была свергнута якобинская диктатура. Директория просуществовала с 1795 по 1799 г. и была свергнута Наполеоном Бонапартом. При Наполеоне, который был объявлен сначала «первым консулом», а затем императором Франции (в 1804 г.), и велись Францией те войны, о которых говорит далее Энгельс.—Ред.

вследствие исчезновения церковной благотворительности, несколько смягчавшей ее. Осуществленная теперь на деле «свобода собственности» от феодальных оков оказалась для мелкого буржуа и крестьянина свободой продавать эту мелкую собственность, задавленную могущественной конкуренцией крупного капитала и крупного землевладения, именно этим магнатам и превратилась, таким образом, для мелких буржуа и крестьян в свободу от собственности. Быстрое развитие промышленности на капиталистической основе сделало бедность и страдания рабочих масс необходимым условием существования общества. Чистоган стал, по выражению Карлейля¹⁰, единственным связывающим элементом этого общества. Количества преступлений возрастало с каждым годом. Если пороки феодальной эпохи, прежде выставлявшиеся напоказ, теперь хотя и не были уничтожены, все же были отодвинуты пока на задний план, зато тем пышнее расцвели на их месте буржуазные пороки, прежде робко скрывавшиеся во тьме. Торговля все более и более проникалась мошенничеством. Революционный девиз «братства» осуществился в плутнях и в зависти, порождаемой конкуренцией. Подкуп заменил грубое насилие, и вместо меча главным рычагом общественной власти стали деньги. «Право первой ночи» перешло по наследству от феодалов к фабрикантам. Проституция выросла до неслыханных размеров, и даже самый брак остался, как и прежде, признанной законом формой, официальным прикрытием проституции, дополняясь к тому же многочисленными нарушениями супружеской верности. Одним словом, возникшие вслед за «победой разума» общественные и политические учреждения оказались злой, вызывающей горькое разочарование карикатурой на блестящие обещания просветителей. Недоставало только людей, способных констатировать это разочарование, и эти люди явились с началом нового столетия. В 1802 г. вышли «Женевские письма» Сен-Симона; в 1808 г. появилось первое произведение Фурье, хотя основа его теории относится еще к 1799 г.; 1 января 1800 г. Роберт Оуэн взялся за управление Нью-Ланарком.

Но в это время капиталистическое производство, а вместе с ним и противоположность между буржуазией и пролетариатом были еще очень неразвиты. Крупная промышленность, только что возникшая в Англии, во Франции была еще неизвестна. А между тем лишь крупная промышленность приводит постепенно к конфликтам не только между созданными ею классами, но и между порожденными ею производительными силами и формами обмена, и лишь эти, созданные крупной промышленностью, конфликты ведут с роковой необходимостью к перевороту

в способе производства и к устранению его капиталистического характера, причем та же крупная промышленность в гигантском развитии производительных сил дает также средства для разрешения ею же созданных конфликтов. Если в 1800 г. вытекающие из современного общественного порядка конфликты только зарождались, то тем менее было налицо средств для их разрешения. Хотя во время террора неимущие массы Парижа захватили на минуту власть и смогли, таким образом, привести к победе буржуазную революцию *против* самой же буржуазии, но этим они доказали только всю невозможность прочного господства этих масс при тогдашних условиях. Пролетариат, еще не выделившийся из общей массы неимущих, составлял в то время лишь зародыш нового класса и не был способен к самостоятельному политическому действию. Он являлся лишь угнетенной, страдающей массой, способной в своей беспомощности ждать избавления только от какой-нибудь внешней, высшей силы.

Это историческое положение отразилось и на учениях основателей социализма. Незрелому капиталистическому производству, незрелым классовым отношениям соответствовали и незрелые теории. Решение общественных задач, еще окутанное туманом неразвитых экономических отношений, пришлось изобретать, создавать из головы. Очевидны были только недостатки общественного строя, их устранение стало задачей мыслящего разума. Требовалось изобрести новую, более совершенную систему человеческих отношений и навязать ее существующему обществу посредством пропаганды, а по возможности и примерами показательных опытов. Эти новые социальные системы были заранее обречены оставаться утопиями, и чем старательнее разрабатывались они в подробностях, тем дальше уносились в область чистой фантазии.

Отметив этот факт, мы уже не будем на нем останавливаться, так как эта сторона вопроса отошла в область истории. Предоставим литературным лавочникам самодовольно перетряхивать эти смешные фантазии и любоваться трезвостью своего собственного образа мыслей по сравнению с подобным «сумасбродством». Нас гораздо больше радуют прорывающиеся на каждом шагу сквозь фантастический покров гениальные мысли и зародыши мыслей, которых не видят слепые филистеры.

Сен-Симон был сыном Великой французской революции, к началу которой он не достиг еще тридцатилетнего **возраста**. Революция была победой третьего сословия, т. е. большинства нации, занятого в производстве и торговле, над привилегированными до того времени *правдными* сословиями—

дворянством и духовенством. Но победа третьего сословия оказалась в действительности победой маленькой части этого сословия; она свелась к завоеванию политической власти социально-привилегированной частью его, имущей буржуазией. К тому же эта буржуазия быстро развилась еще в процессе революции, с одной стороны, посредством спекуляции конфискованной и затем *проданной* земельной собственности дворянства и церкви, с другой—посредством надувательства нации военными поставщиками. Именно господство этих спекулянтов привело в эпоху директории Францию и революцию на край гибели и тем самым дало предлог Наполеону для государственного переворота. Таким образом, в голове Сен-Симона борьба между третьим сословием и привилегированными сословиями приняла форму противоположности между «рабочими» и «праздными». Последними являлись не только прежние представители привилегированных сословий, но и все те, кто, не принимая участия в производстве и торговле, жил на свою ренту. А «рабочими» были не только наемные рабочие, но и фабриканты, купцы и банкиры. Что праздные потеряли способность к умственному руководству и политическому господству,—не подлежало никакому сомнению и окончательно было подтверждено революцией. Что обездоленные не обладали этой способностью, об этом, по мнению Сен-Симона, свидетельствовал опыт эпохи террора. Кто же в таком случае должен был руководить и господствовать? По мнению Сен-Симона, наука и промышленность, объединенные новой религиозной связью в строго иерархическое, неизбежно мистическое, «новое христианство», призванное восстановить разрушенное со времени реформации единство религиозных воззрений. Наука же—это были официальные ученые, а промышленность—это в первую очередь активные буржуа, фабриканты, купцы, банкиры. Правда, эти буржуа должны были стать чем-то вроде государственных чиновников, доверенных лиц всего общества, но сохраняли по отношению к рабочим командующее и экономически привилегированное положение. Что касается банкиров, то они были призваны регулировать все общественное производство при помощи регулирования кредита. Такой взгляд вполне соответствовал той эпохе, когда во Франции крупная промышленность, а вместе с ней противоположность между буржуазией и пролетариатом только начали развиваться. Но что Сен-Симон особенно подчеркивает,—это следующее: всюду и всегда его в первую очередь интересует судьба «самого многочисленного и самого бедного класса» (*la classe la plus nombreuse et la plus pauvre*).

Уже в «Женевских письмах» Сен-Симона мы находим поло-

жение, что «все люди должны работать»; в том же произведении он уже отмечает, что господство террора во Франции было господством неимущих классов. «Посмотрите,—воскликает он, обращаясь к последним,—что произошло во Франции, когда там господствовали ваши товарищи: они создали голод!» Нужна была гениальная проницательность, чтобы в 1802 г. понять, что французская революция была классовой борьбой, и не только между дворянством и буржуазией, но также между дворянством, буржуазией и неимущими массами. В 1816 г. Сен-Симон заявляет, что политика есть наука о производстве, и заранее предсказывает ее полнейшее поглощение экономикой. Если здесь мысль о происхождении политических учреждений из экономических основ выражена лишь в зародышевой форме, зато совершенно ясно высказана та мысль, что политическая власть над людьми должна превратиться в управление вещами, в заведывание процессами производства, т. е. привести к «отмене государства», о которой так много шумели в последнее время. С таким же превосходством над своими современниками Сен-Симон заявляет в 1814 г.,—тотчас по вступлении союзников в Париж,—а затем в 1815 г. (во время войны ста дней)*, что союз Франции с Англией и этих двух стран с Германией представляет единственную гарантию мирного развития и процветания Европы. Нужно было много мужества и исторической дальновзоркости, чтобы в 1815 г. проповедывать французам союз с победителями при Ватерлоо.

Если гениальная широта взглядов Сен-Симона позволила ему уловить зародыши почти всех позднейших социалистических идей, не относящихся только к экономической области, то Фурье, со своей стороны, дает нам глубоко захватывающую критику существующего общественного строя, выраженную при этом с чисто французским остроумием. Он ловит на слове вдохновенных пророков дореволюционной буржуазии и ее подкупленных льстецов после революции. Он беспощадно вскрывает всю материальную и моральную нищету буржуазного мира и сопоставляет ее с блистательными обещаниями прежних просветителей о наступлении царства разума, цивилизации, несущей

* Войны Наполеона I закончились его поражением. Против Франции образовался союз почти всех европейских государств во главе с Англией и Россией. В 1814 г. Париж был взят войсками союзников, а Наполеон был вынужден отречься от престола. В 1815 г. он сделал попытку восстановить свою власть и вести новую войну с союзниками (война ста дней), но был снова разбит при Ватерлоо и опять низложен союзниками, а затем сослан на остров св. Елены, где и умер.—Ред.

счастье всем, о способности человечества к бесконечному совершенствованию; он разоблачает пустоту напыщенной фразеологии современных буржуазных идеологов, показывая, какая жалкая действительность соответствует их громким словам, и изливает весь свой сарказм по поводу полнейшего провала этой фразеологии. Фурье — не только критик, всегда жизнерадостный по природе, он стал сатириком, и даже одним из величайших сатириков всех времен. Меткими, насмешливыми словами рисует он спекулятивные плутни и мелкоторгашеский дух, овладевший всей французской торговлей в период заката революции. Еще удачнее его сатирическое изображение отношений полов в буржуазном обществе и положение в нем женщины. Ему первому принадлежит мысль, что в каждом данном обществе степень освобождения женщины является естественным мерилom всякого освобождения. Но выше всего поднимается Фурье в своем взгляде на историю человеческого общества. Весь предшествующий ход ее он разделяет на четыре ступени развития: дикость, варварство, патриархат и цивилизация. Под последней он разумеет существующее ныне так называемое буржуазное общество, начавшееся с XVI столетия, и показывает, как эта «цивилизация» делает сложным, двусмысленным, двуличным и лицемерным каждый порок, остававшийся в простом виде при варварстве». Он указывает на «порочный круг» непобедимых и вечно возобновляющихся противоречий, в котором движется цивилизация, всегда достигая результатов, противоположных тем, к которым, искренно или притворно, она стремится. Например, по его словам, «в цивилизации *бедность порождается самим избытком*». Очевидно, Фурье так же мастерски владеет диалектикой, как и его современник Гегель. Так же диалектически он утверждает, вопреки господствовавшей тогда теории о бесконечной способности человека к совершенствованию, что каждый исторический фазис имеет свой период роста и упадка, и этот свой взгляд он развивает дальше по отношению к будущности всего человечества. Подобно Канту¹¹, развивавшему в естествознании идею о будущей гибели земли, Фурье в свое понимание истории включил мысль о гибели человечества.

В то время как над Францией проносился ураган революции, очистивший страну, в Англии совершался менее шумный, но не менее грандиозный переворот. Пар и машины превратили мануфактуру в современную крупную промышленность и тем самым революционизировали все основы буржуазного общества. Медленный, вялый ход развития времен мануфактуры превратился в настоящий период бури и натиска в производстве. Все

быстрее и быстрее совершалось расслоение общества на крупных капиталистов и немущих пролетариев, а между ними, вместо устойчивого среднего сословия старых времен, мы видим неустойчивую массу ремесленников и мелких торговцев, обреченных на весьма шаткое существование и представляющих самую текучую часть населения. Новый способ производства находился еще на первых ступенях своего восходящего развития; он был еще нормальным, правильным, единственно возможным, при данных условиях, способом производства, а между тем он успел уже породить вопиющие социальные бедствия: скопление массы бездомного населения в отвратительнейших закоулках больших городов; разрушение всех унаследованных от прошлого связей, патриархального семейного быта, даже самой семьи; ужасающее удлинение рабочего дня—по преимуществу для женщин и детей; испорченность нравов среди широких масс рабочего населения, внезапно брошенного в совершенно новые условия существования, из деревни в город, из земледелия в промышленность, из устойчивых условий жизни в ежедневно меняющиеся, ненадежные условия существования. И тут появился на сцене в качестве реформатора двадцатидевятилетний фабрикант, человек с почти детской чистотой и благородством характера и в то же время прирожденный вождь, каких мало на свете. Роберт Оуэн усвоил учение просветителей—материалистов XVIII века об образовании человеческого характера из взаимодействия, с одной стороны, его природной организации, а с другой—условий, окружающих человека в течение всей жизни, а в особенности в период его развития. Большинство его собратьев по сословию видело в промышленной революции только беспорядок и хаос, годный для ловли рыбы в мутной воде и для быстрого обогащения. Оуэн видел в ней благоприятный случай для осуществления своей любимой идеи и тем самым внесения порядка в хаос. Он в качестве руководителя фабрики, где работало более 500 рабочих, уже пытался, и не без успеха, применить ее в Манчестере. С 1800 по 1829 г. он управлял большой бумагопрядильной фабрикой в Нью-Ланарке, в Шотландии, и, будучи компаньоном в предприятии, действовал здесь в таком же духе, но с гораздо большей свободой и с таким успехом, что вскоре его имя сделалось известным всей Европе. Население Нью-Ланарка, постепенно возросшее до 2 500 человек и состоявшее из крайне смешанных и по большей части сильно развращенных элементов, он превратил в образцовую колонию, в которой пьянство, полиция, уголовные суды и процессы попечительства о бедных стали неизвестными явлениями. Он